

УДК 81'342.9.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТЕМ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В КОММУНИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

В статье предлагаются результаты пилотного исследования особенностей русского языка повседневного общения разных социальных групп (социолектов) современного российского города. Задачей исследования стал анализ функционирования прагматем разного типа в устной спонтанной речи (устной коммуникации) представителей разных социолектов, а также проверка диагностических возможностей данного лингвистического параметра для установления специфики того или иного социолекта. Материалом для исследования послужил подкорпус звукозаписей повседневной коммуникации из коллекции Звукового корпуса «Один речевой день», сбалансированно представляющий бытовую речь носителей языка из разных социальных слоев, мужчин и женщин разного возраста, занятых в разных сферах профессиональной деятельности. Анализ функционирования прагматем проведен и в целом по подкорпусу (12 информантов), и отдельно для трех возрастных (по 4 человека в группах молодежи, носителей языка среднего и старшего возраста) и двух гендерных групп (6 мужчин и 6 женщин). Исследованием установлено, что различия в речи между возрастными группами являются более значимыми, чем различия в речи между мужчинами и женщинами, при этом наиболее явная специфика выявлена для младшей возрастной группы. Удалось выявить также «излюбленные» единицы рассматриваемого класса для конкретных социолектов: *короче* – для молодежной речи в обеих гендерных группах, *в общем* – для женщин старшего возраста. Профессия, род занятий говорящего и связанный с этими характеристиками уровень его речевой компетенции, как показали наблюдения, не влияют на количество и характер прагматем, используемых человеком в устной коммуникации.

Ключевые слова: устная спонтанная речь; повседневное общение; прагматема; звуковой корпус, социолект.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-38-49

Современное состояние русского языка, проявляющееся в речи его носителей, беспокоит сегодня не только ученых, но и общественных и политических деятелей России, и даже простых обывателей, пользующихся языком в повседневной жизни и далеких от проблем его научного изучения и описания. Говорят, в частности, о жаргонизации и «люмпенизации» языка, об общем обеднении современной речи, о засилье так называемых «паразитарных» слов в неофициальной повседневной речи, о значительной коллоквиализации публичных сфер общения, насыщении их разговорными элементами и подобных процессах. Ср. утверждение Л. П. Крысина, что «современная разговорная речь по ее лексико-

фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана в работах Е. А. Земской и О. Б. Сиротининой» [Крысин 2008: 111]: она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно маркируемые пометой *разг.* (разговорное) в лексикографических источниках, так и единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка.

В значительной степени эту обеспокоенность можно объяснить следующим обстоятельством: традиционный подход к анализу современной речи таков, что лингвист пытается увидеть в ней реализацию каких-то языковых единиц, языковых

отношений и *языковых* закономерностей. И описывается все это, как правило, в терминах отклонений от *языковых* стандартов. Отсюда и достаточно твердое убеждение не только наивных носителей, но и лингвистов-исследователей, что русский язык умирает, что мы разучились говорить, что сегодняшние носители языка больны *дизлингвией*.

Однако по сравнению с чем современную речь можно оценить как плохую или хорошую? Если по сравнению с образцами литературно-письменной речи, то такое сравнение в значительной степени некорректно: на кодифицированном языке, лежащем в основе нашей письменной речи, никто не говорит, это попросту невозможно в силу принципиальной разницы в механизмах порождения устной и письменной форм речи². А как говорили предшествующие поколения в *повседневной жизни*, мы просто не знаем. И речь идет не только о предшествующих веках, но даже о ближайших к нам десятилетиях. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) до сих пор содержит в своем устном подкорпусе по большей части образцы речи публичной, научной или написанной сценаристами для произнесения с экрана (транскрипты фильмов) (см. об этом: [Гришина 2005: 103]), т. е. так или иначе подготовленной. Доля действительно бытовой (естественной) спонтанной речи здесь минимальна, а только она и может дать ответ на вопрос о том, как же мы говорим в повседневной жизни, насколько хороша или насколько плоха современная русская речь.

Все обеспокоены, но, тем не менее, системного анализа функционирования русского языка в обществе, и в первую очередь в сфере повседневной устной коммуникации, на представительном речевом материале до сих пор никто не проводил. Приблизиться к пониманию того, как именно мы говорим, позволяет Звуковой корпус русского языка, особенно его блок «Один речевой день» (ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ и фиксирующий максимально естественную речь носителей языка, что называется, «на магнитофонном уровне достоверности» (методика 24-часовой записи, речь человека «с диктофоном на шее») (см. об этом подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015]). Подобный подход к фиксации и анализу современной речи дает возможность выявить наиболее «проблемные» зоны, которые должны дать ключ к пониманию происходящих языковых процессов, и может способствовать решению важной гуманитарной задачи сохранения традиционной российской речевой культуры.

Главную свою задачу создатели корпуса ОРД видят в решении фундаментальной научной проблемы описания современного русского языка повседневного общения и анализе особенностей его функционирования в разных социальных группах.

О важности исследования *социолектов* еще почти 100 лет назад писал Б. А. Ларин: «Всякая устойчивая социальная группа – помимо всех других условий своего образования – объединяется общностью языка, наличием, кроме других (индивидуально разных), одного общего языка» [Ларин 1977: 191]. В речи любого человека находят отражение особенности, свойственные тому социуму, к которому он относится и в котором он исполняет определенную роль, предписываемую ему, ср.: «Все слова пахнут профессией, жанром, <...> определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [Бахтин 1975: 106]; «...любой индивид оказывается пленником своего языка; за пределами своего класса он обнаруживает себя каждым произнесенным словом, каждое слово выявляет его всего целиком и выставляет напоказ вместе со всей его историей. Благодаря своему языку человек открыт для разгадки, его выдает сама правдивость языковой формы, неподвластная <...> желанию солгать о себе» [Барт 1983: 347]; «...в процессе говорения он (говорящий. – Н. Б.-Б.) организует свое речевое поведение в соответствии с “групповыми нормами”. Из речевого поведения по тому, как он говорит, мы черпаем достаточно много сведений о говорящем. <...> Происходит это потому, что мы осуществляем в нашей речевой деятельности нормы, свойственные конкретному социальному типу личности» [Каспранский 1989: 22].

Исследовательский материал ОРД ограничен городской речью, во-первых, потому что 74 % населения России проживает в городах (по данным Федеральной службы государственной статистики на 2013 г.), а во-вторых, потому что именно в этой среде в тесном взаимодействии постоянно находятся и сосуществуют различные социальные, возрастные и профессиональные группы «многоязычного города»; более того, каждая социальная группа обладает многообразными языковыми навыками, что позволяет говорить о своеобразном «полиглотизме» горожан (оба термина принадлежат Б. А. Ларину – см.: [Ларин 1977: 190–191]) и усиливает интерес именно к городской русской речи.

По мнению П. Томпсона, «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического,

часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полусознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [там же]. Именно этим интересна для лингвистического исследования живая устная речь; внимательное отношение к ее единицам и их поведению может смягчить привычный обывательский негативизм в отношении многих чисто речевых явлений и увидеть за ними не только небрежность нашего говорения, но и языковую эволюцию. Анализ нашей повседневной речи позволяет исследователям не только описать ее специфику и заложить основы построения грамматики речи³, но и увидеть перспективы развития языка, что еще повышает значимость таких исследований.

Одной из наиболее ярких примет повседневной русской речи являются такие элементы звуковой цепи, которые не удается безоговорочно отнести к классу лексических или лексико-грамматических единиц – *(так) скажем, (не) это самое, (я) не знаю, как (его, ее, их, это), (ты) знаешь / (вы) знаете, глянь / гляньте, (и) все такое (прочее), все дела, туда-сюда, (и) то (и) другое, пятое-десятое, (я) не думаю что* и т. п. Эти единицы однозначно маркируют устную неподготовленную (спонтанную) речь, в равной мере монологическую и диалогическую, они крайне частотны в нашем повседневном общении, порой зависят в своем употреблении от конкретного говорящего, социальных отношений коммуникантов или самой коммуникативной ситуации, а потому требуют отдельного к себе отношения, пословного описания и фиксации в специальном словаре таких единиц (см. подробнее о проекте такого словаря: [Богданова 2012; Богданова-Бегларян 2013; Звуковой корпус... 2015]).

Общим отличительным признаком этих единиц можно считать ослабление или полную утрату их лексического, а порой и грамматического значения и приобретение прагматического: из речевых единиц они становятся условно-речевыми, которые можно охарактеризовать лишь по типу функции (функций), которую они выполняют в устном дискурсе. Функции эти могут быть различными, в соответствии с ними можно выделить разные типы подобных единиц (прагматем)⁴:

• **междометные прагматемы** (*драсьте пожалста! щас-щас-щас-щас, будет тебе*);

• **дискурсивные прагматемы** (*значит, вот, думаю что, знаешь вот*);

• **поисковые прагматемы** (*это самое, как его (ее, их), как это*);

• **прагматемы-рефлексивы** (*или как его? или как там правильно сказать? или как там?*);

• **прагматемы-аппроксиматоры** (*все дела, все такое (прочее), (и) то (и) другое, то-сё, туда-сюда, пятое-десятое, бла-бла-бла*);

• **прагматемы-ксенопоказатели** (*типа того (что), такой, вот*);

• **метакоммуникативные прагматемы** (*знаешь(-те), понимаешь(-те), да*);

• **дейктические прагматемы** (*вот здесь вот, вот такое вот, вот так вот*);

• **ритмообразующие прагматемы** (*вот, там, короче, так*);

• **прагматемы самокоррекции** (*это, это самое*);

• **маркеры нетривиальности** сказанного или готовящегося к произнесению (*так скажем, как это*);

• **хезитативы** – маркеры колебаний (раздумий) говорящего (*там, это, м-м, э-э*).

Все эти единицы зачастую полифункциональны и структурно вариативны. Их инвентарь более или менее конечен, что дает возможность аннотирования материала Звукового корпуса и в этом отношении.

Общий объем корпуса ОРД на данный момент составляет более 1240 час. звучания и включает аудиозаписи речи 127 информантов (66 мужчин и 61 женщина, в возрасте от 17 до 77 лет; средний возраст информантов – 39 лет), представителей разных социальных групп, различающихся, кроме пола и возраста, такими признаками, как профессиональная принадлежность или род деятельности, уровень образования и социальный статус (служебное положение). Объем текстовых расшифровок корпуса составляет около 1 млн словоупотреблений, что делает данный ресурс наиболее представительным для русского языка речевым корпусом. Однако в связи с высокой трудоемкостью многоуровневого лингвистического аннотирования, характеризующего создание любого речевого корпуса (см. об этом, например: [Romaine 2008]), было решено предварительно провести пилотное исследование функционирования прагматем на ограниченном материале; результаты проведенного анализа и представлены в данной статье (о других результатах этого пилотного исследования см.: [Bogdanova-Beglarian et al. 2016]).

Для пилотного подкорпуса ОРД общей длительностью звучания 1 час 46 мин.⁵ отобраны

преимущественно фрагменты бытовых (непрофессиональных) разговоров информантов с родными, друзьями, коллегами или знакомыми.

Подкорпус представлен 12 макроэпизодами и содержит образцы речи сбалансированной выборки информантов: в равном количестве в нем представлены 2 гендерные группы (6 мужчин и 6 женщин), 3 возрастные группы (по 4 представителя от молодежи, среднего и старшего возраста), хотя бы одному представителю от четырех анализируемых групп по социальному статусу:

- руководящие работники разного уровня, бизнесмены и частные предприниматели;
- служащие, специалисты, наемные работники;
- студенты и проч. учащиеся (в том числе работающие);
- неработающие (в том числе неработающие пенсионеры).

Полные метаданные информантов см. в таблице.

Метаданные информантов пилотного подкорпуса ОРД

№ п/п	Код информанта	Гендер	Возраст	Профессия или род занятий
1	S15	М	20	военнослужащий (курсант)
2	S103	М	26	частный предприниматель, мастер по утеплению окон
3	S110	М	31	инженер
4	S117	М	62	IT-специалист
5	S123	М	54	преподаватель
6	S124	М	47	сантехник
7	S01	Ж	33	искусствовед
8	S19	Ж	41	маркетолог
9	S27	Ж	20	студентка юридического факультета
10	S72	Ж	24	руководитель в гос. учреждении
11	S114	Ж	70	пианистка
12	S130 ^б	Ж	74	физик, в наст. время неработающий пенсионер

На материале этого рабочего подкорпуса было проведено сплошное лингвистическое аннотирование данных на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях (16 060 токенов на уровне Фраз/Реплик, из которых 10 259 – словоупотребления).

Анализ материала пилотного подкорпуса показал, что из всего массива прагматем говорящие (информанты и их коммуниканты) употребили 17 различных единиц.

Неожиданно единичными оказались употребления маркеров-аппроксиматоров (заместителей) *и так далее* и *то-сё*; весьма нечастотными, также против ожидания, – маркеры неуверенности (нечеткой номинации) *типа* (6,3 %) и *вроде* (3,4 %), при этом последние распределились

практически поровну в речи мужчин и женщин. Приведем соответствующие примеры:

1) *у нас там с двух часов *К с двух часов / и так далее / рапорта никому не подписали / из-за этого увольнения (S15)⁷ (маркер-аппроксиматор, полностью заменяющий описание какой-то ситуации, о которой говорящий даже не начал говорить, указав только место и время ее начала (у нас там с двух часов), и которая привела к негативному результату: рапорта никому не подписали)⁸;*

2) *та говорит вы знаете говорит / я там не знаю никакой Марины / никакой Нади / *С и так далее (S19) (маркер-аппроксиматор в функции совмещения: перечисление начато (никакой Марины / никакой Нади) и со смехом (*С) свернуто*

с помощью прагматемы *и так далее*; не исключена, впрочем, и другая интерпретация данного контекста: маркер-аппроксиматор заменяет (сворачивает) продолжение неначатого перечисления в рамках конструкции с чужой речью, введенной дважды повторенным глагольным маркером *говорит* (*та говорит вы знаете говорит*), а самой этой чужой речью; подобная неоднозначность трактовки, некоторая размытость, диффузность являются неотъемлемым свойством неподготовленной устной речи в целом);

3) *я говорю я тогда в девяти три... там к девяти пятнадцати приду / пока то-сё ... *П на праздник-то в шесть // # ну логично (Ж1#S124) (маркер-аппроксиматор в функции замещения⁹ – полный отказ говорящего от перечисления тех действий или событий, которые будут (могут) происходить между двумя временными веками: девять пятнадцать и шесть);*

4) *я говорит хочу купить два билета в театр // типа купи мне два билета вот короче / *П сейчас немедленно / всё / горю (S72) (маркер ренарратива (ксенопоказатель), вводящий в высказывание чужую речь);*

5) *никто пока ничего не может внятно сказать / все только разводят руками / и говорят / ну / сочувствую типа мол / намекают что(;) просто да / оформл... оформляй новую страховку и(;) живи спокойно (S110) (маркер ренарратива; функция ксенопоказателя для прагматемы *типа* (а также ее структурных вариантов *типа того* и *типа того что*) является одной из наиболее распространенных в русской устной речи – см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян 2014б]);*

6) *этот мужичка типа // а на () короче заслуженный (э) певец Украины (НЖ – S27) (маркер нечеткой номинации; в терминах Дж. Лакоффа, – Hedge: намеренно уклончивое или неясное высказывание (a calculatedly non-committal or evasive statement) [Lakoff 1973]);*

7) *понятно / да ? что-то я ему там написала вроде / в общем / у нас получается ... (S114) (маркер нечеткой номинации);*

8) *вот я когда познакомился с этими самыми / с(;) (э) трег () 4 / трег 7 / этими самыми ф(;)фо...фо... форматами // *В // где там ... вот вроде как бы говорят / что вот вз(?) // и из изображения выделяется сцена там / объекты (S117) (маркер нечеткой номинации).*

Уже на этих немногочисленных примерах видно, сколь частотны в целом различные прагматемы в нашей устной коммуникации: порой в одном небольшом фрагменте соседствуют разные единицы рассматриваемого класса:

- *знаете <...> там <...> и так далее (2);*

- *там <...> то-сё (3);*
- *типа <...> вот короче (4);*
- *ну <...> типа <...> да (5);*
- *типа <...> короче (6);*
- *да ? <...> там <...> вроде / в общем (7);*
- *вот <...> с этими самыми <...> этими самыми <...> там <...> вот вроде как бы <...> вот <...> там (8).*

Наиболее употребительными в материале исследования оказались прагматемы особого класса, используемые для установления или сохранения контакта между собеседниками: метакоммуникативные маркеры (контактные глаголы) *знаешь/знаете, понимаешь, видишь, слушай* и под. – на их долю приходится 19,4 % всех употреблений прагматем в пилотном подкорпусе ОРД:

9) *вот // поэтому вот эти вот самые карбоновые наши лыжные палки / ты ж знаешь / их можно сломать пальцем / но в то же время вдоль они выдерживают бешеную нагрузку (S123) (в данном употреблении весьма распространенный в нашей речи контактный глагол *знаешь* выступает в одном из своих структурных вариантов – *ты ж знаешь*; одновременно с помощью этой единицы говорящий делает акцент на известности обоим собеседникам вербализуемой информации);*

10) *нет / из всего мира / это (э-э) знаешь это по-моему у кого-то было / то ли у Брэдли / *П ну в общем это всё уже (...) так (S1) (соседство с неречевым элементом э-э, а также повтор слова *это* добавляет контактному глаголу *знаешь* еще и функцию хезитативного маркера);*

11) *там всякое знаешь философия / всякая // там будем сдавать вот в эту сессию (S27);*

12) *ты знаешь / они вот продаются *П кишки для сал... сарделек / ты знаешь (S72) (сразу два употребления прагматемы *знаешь* в одном из ее структурных вариантов (*ты знаешь*); во втором употреблении можно усмотреть еще и функцию дискурсивного маркера финала);*

13) *ага / ну ладно / тогда ей оправдание / она ска... ну она сказала фразу / знаете / возраст (S130) (контактный глагол одновременно выступает в функции маркера ренарратива и, возможно, стартового дискурсивного маркера в рамках передаваемой говорящим чужой речи);*

14) *вот / а ну ты знаешь / тут бы на перитонита не дошло / потому что видишь / падало это давление / в смысле (...) гемоглобин (S130) (прагматема *ты знаешь*, в комбинации с предшествующей хезитационной цепочкой *вот / а ну*, служит в данном контексте еще и дискурсивным маркером начала высказывания);*

15) *он не выглядит понимаешь* (э-э) *вставкой какой-то* (S117) (в соседстве с неречевым элементом э-э контактный глагол *понимаешь* выполняет, по-видимому, еще и функцию **хезитативного маркера**);

16) *смотри / завтра в десять часов надо уже подать их* (S15) (контактный глагол *смотри* одновременно выполняет еще и функцию **дискурсивного стартового маркера**);

17) *значит смотрите* (э-э) *видимо у нас тут* (э) *в () табличке ошибка / вот* (S72) (контактный глагол *смотрите* в комбинации с прагматемой *значит* маркирует начало высказывания – выступает в функции **дискурсивного стартового маркера**; наличие неречевого элемента э-э сразу после глагола свидетельствует еще и об общей заминке говорящего, т. е. о функции **хезитативного маркера**, которая также свойственна контактному глаголу в данном контексте);

18) *слушай прикинь / Егор уже через две недели вернется / офигеть* (S72) (оба контактных глагола выступают в функции **дискурсивных стартовых маркеров**).

Видно, что контактные глаголы употребляются в устной речи в двух своих грамматических разновидностях: форма 2 л. ед./мн. ч. (*знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите*) или формальный императив (директив), также ед./мн. ч. (*слушай/слушайте, прикинь/прикиньте, смотри/смотрите* и под.). Во всех случаях они выполняют метакоммуникативную функцию привлечения и/или удержания внимания собеседника (собеседников) («работают на контакт»), часто сопряженную с функцией хезитативного или дискурсивного маркера, стартового (чаще) или финального. Возможна как дополнительная еще и функция маркера ренарратива¹⁰.

Данные примеры, так же как и приведенные выше, свидетельствуют об общей высокой употребительности прагматем в устной коммуникации: ср. комбинации разных подобных единиц в одном контексте:

- *вот <...> вот эти вот <...> ты ж знаешь* (9);
- *(э-э) знаешь <...> ну в общем* (10);
- *там <...> знаешь <...> там <...> вот* (11);
- *ты знаешь <...> вот <...> ты знаешь* (12);
- *ну <...> знаете* (13);
- *вот / а ну ты знаешь <...> видишь* (14);
- *понимаешь (э-э)* (15);
- *значит смотрите (э-э) <...> (э) <...> вот* (17).

Несколько реже, чем контактные глаголы, употреблялись в материале исследования прагматемы *короче* (15,5 %) и *в общем* (10,7 %):

19) *ну вот этот вот / (э) мужчина который / певец-то вот / он говорит приезжал / *П типа в Москву / *П на гастроли / и встречался с моей подругой // *П вот / и подарил короче / и передал мне в подарок / *П (э-о) передал мне в подарок короче духи Шанель / (э) диск короче со своими песнями / и ещё что-то // я не поняла что ещё* (НЖ – S27);

20) *он такой / понял короче / по... посмеялся / поулыбался // *Н без темы // *П ну вот / я помогу короче* (S15) (данный контекст дает основания усматривать в прагматеме *короче* еще и функцию **маркера ренарратива**; наличие во фразе чужой речи поддерживается изобразительным маркером-ксенопоказателем *такой*);

21) *там в общем / ну(:) разборки / не то что там сильно / но в общем серьезные* (S15);

22) *там / ну в общем / для визи... / визитки там будут / в общем* (S19).

Из иллюстраций видно, что данные прагматемы могут встречаться многократно в одном, даже коротком, высказывании. И снова рядом с ними можно видеть множество других прагматем, выступающих в различных функциях:

- *ну вот этот вот / (э) <...> вот <...> типа <...> вот <...> короче <...> (э-о) <...> короче <...> (э) <...> короче* (19);
- *такой <...> короче <...> ну вот <...> короче* (20);
- *там в общем / ну(:) <...> там <...> в общем* (21);
- *там / ну в общем <...> там <...> в общем* (22).

Анализ материала пилотного подкорпуса ОРД позволил увидеть некоторые особенности употребления рассматриваемых прагматем представителями разных социальных групп.

Так, женщины в целом в два раза чаще употребляют подобные единицы, чем мужчины (67,5 и 32,5 % соответственно). Особенно хорошо эта разница видна на метакоммуникативных маркерах, с помощью которых говорящий, как уже отмечалось, привлекает и/или удерживает внимание собеседника: 80 % соответствующих единиц обнаружено в речи женщин.

Излюбленная мужская прагматема – *короче*: 56,3 % таких употреблений выявлено в речи мужчин почти исключительно младшего возраста. При этом более 90 % всех употреблений *короче* – из речи одного информанта: S15 (курсант военного училища 20 лет), что можно считать индивидуальной особенностью его речи, ср.:

23) ну ты объясни / что нас вал залупили **короче** / и завтра будет только известно / что и как (S15);

24) я знаю знаю / не в этом **короче** / забежать и сразу дневального буф (S15);

25) не ну если посреди ночи / понимаешь / тишина **короче** / и там *Н что-нибудь орать начинает бл*дь // такой топот / на ЦП же будет слышно / такой тук тук тук тук тук (S15).

Интересно, что и в женской речи все **короче** (100,0 %) приходится на долю молодежи, при этом большая их часть – из речи S72 (женщина 24 лет, руководитель), ср.:

26) позвонил Бабич утром сегодня (и) **короче** всех нас тут накрутил (S72);

27) вчера **короче** / *П звонит Егорин брат // вечером (S72);

28) и он **короче** звонит / *П я уже в метро спускаюсь (S72);

29) ну и Вадик\$ приезжает / *П и они ему говорят слушай чувак мы тебе всё отремонтировали / *П только мы тебе **короче** (...) (э-э) в бак (...) вместо(:) (э) дизеля девяносто восьмой залили *В # и чего(:) ? # ну вот так случилось **короче** (S72#Ж1).

Можно предположить, что **короче** – это примета современной молодежной речи, независимо от гендерной принадлежности говорящего. Эта единица способна маркировать речь конкретного носителя языка.

Более трети всех прагматем (33,5 %) приходится на долю информантов старшей возрастной группы, больше – на долю женщин в этой группе (72,5 %), в основном за счет единицы *в общем*, которую чаще всего употребляла S130 (женщина 74 лет, неработающая пенсионерка), ср.:

30) **в общем** особенно к этому они так город отреставрировали (S130);

31) **в общем** / в результате / ну там никакой охраны даже речи нет / в результате (S130);

32) ты была да (...) ага ага / *В ну у тебя не так / **в общем** ты знаешь / Кремль круглосуточно открыт (S130);

33) ну у нас и в Елабogu возили / и в с... Яиск **в общем** / ну очень хорошо (S130);

34) ну ты знаешь / **в общем** у него давление / да / но по-моему это бывает не только при давлении (S130).

Любопытно, что в речи сантехника (S124, мужчина 47 лет) не выявлено ни одной прагматемы из рассматриваемого списка, а в речи мастера по утеплению окон (S103, мужчина 26 лет) – всего одна (*вроде*). Похоже, что уровень речевой компетенции¹¹ никак не влияет на количество прагматем в речи человека.

В целом, проведенное исследование позволяет заключить, что в отношении употребления в речи прагматем разного типа выявленные различия между возрастными группами информантов оказались несколько более значительными, чем гендерные различия, при этом наибольшая специфичность свойственна младшей возрастной группе. Более того, использование говорящим прагматических единиц и конструкций можно отнести к числу тех признаков устной спонтанной речи, которые в максимальной степени позволяют характеризовать ту или иную социальную группу носителей языка, – наряду с такими лингвистическими параметрами, как темп речи, использование редуцированных форм, использование ненормативной лексики и некоторых синтаксических особенностей спонтанной речи (обрыв, эллипсис, парцелляция, самокоррекция) (подробнее об этом см.: [Bogdanova-Beglarian et al. 2016]). Увеличение объема исследовательского материала, вне сомнения, поможет уточнить и скорректировать эти выводы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Еще в диалогах Платона можно найти мысль, что «правильный по природе язык» может существовать только в *идее* (цит. по: [Звегинцев 1960: 9]); ср. также: речь конкретного человека «никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы» [Бонфанте 1960: 299]; «Но мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать. Многие говорят по-французски, но нет говорящих на образцовом французском языке, который мог бы служить нормой и примером для других. Того, что мы называем образцовым французским языком, не существует в речи ни одного говорящего по-французски (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.). <...> Наилучший французский язык – это “идея” <...>, это фикция <...>. Наш лучший французский язык может потерять совершенство от любой ошибки памяти, ослышки или же обмолвки. Этот *правильный язык – идеал, к которому стремятся, но которого не достигают*; это – сила в действии, определяемая целью, к которой она движется; это – действительность в возможности, не завершающаяся актом; это – становление, которое никогда не завершается» [Вандриес 1960: 393]; «Единообразие и чистота языка представляют собой лишь *фикцию* и *предрассудок*» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 200]; «социальные диалекты в языке <...> образуют как бы

пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка, <...> но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная “норма”) представляется скорее *идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью* [Жирмунский 1969: 21].

³ Идея о существовании, наряду с грамматикой языка, своеобразной *грамматики речи*, обладающей своими собственными единицами и специфическими правилами их функционирования и сочетания (своей парадигматикой и синтагматикой), в лингвистике отнюдь не нова и в течение последнего столетия высказывалась неоднократно. Так, еще Ф. де Соссюр писал, что «лингвист должен также рассматривать взаимоотношения книжного языка и обиходного языка (по сути, взаимоотношения языка и живой, повседневной речи. – Н. Б.-Б.); ибо развитие всякого литературного языка, продукта культуры, приводит к размежеванию его сферы со сферой разговорного языка» [Соссюр 1933: 44]. Подобную мысль находим и в трудах Л. В. Щербы, ср.: «Нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый (снова, по-видимому, имеется в виду живая речь. – Н. Б.-Б.), а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны – элементы одного не совпадают с элементами другого» [Щерба 1957: 11–12]. И далее автор пишет, что «если надо различать эти два языка, то надо, очевидно, различать и их грамматики» [там же: 12]. Ср. также утверждение А. Мартине: «Речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно <...> предположить существование *лингвистики речи* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Н. Б.-Б.) наряду с *лингвистикой языка*» [Мартине 1963: 389]. О некоторых элементах грамматики русской речи см., например: [Звуковой корпус... 2013, 2014, 2015].

⁴ К классу *прагматем* относятся единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, которые в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой их *прагматикализации* для них и вводится термин *прагматема*. Подробнее об этом см.: [Богданова-Бегларян 2014а)].

⁵ Объем анализируемого речевого материала сопоставим с известным корпусом устной русской речи – «Рассказы о сновидениях» [Кибрик, Подлеская 2009].

⁶ Наличие номеров информантов свыше цифры 127, названной выше, объясняется тем, что по качеству записи далеко не весь собранный материал признан годным для дальнейшего анализа.

⁷ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Шерстинова и др. 2009]. Тексты в расшифровках представлены так, как они прозвучали в реальной речи говорящих.

⁸ Приведенные комментарии касаются только конкретных употреблений, в других контекстах те же прагматемы могут выступать в других функциях – см. о них подробнее: [Богданова-Бегларян 2014а].

⁹ О двух типах стратегий (функций), в которых могут выступать в устной спонтанной речи разнообразные маркеры-аппроксиматоры, – *стратегии замещения* (полная замена – перечисления или чужой речи) и *стратегии совмещения* (частичная замена, знак того, что перечисление может быть продолжено), – см.: [Подлеская 2013]].

¹⁰ В других контекстах ОРД можно видеть еще одну функцию контактных глаголов (пока обнаружено только для прагматем *знаете* и *понимаете*) в устной спонтанной речи – функцию **маркера-рефлекси́ва**, ср.:

- *много сбоек у нас / постоянно пишем заявки // у нас постоянно идут // *П нестыковка // *П сбой **знаете** // нестыковка кассы с базой // то есть // *П то по кассе проходит / по базе не снимает // и вот так вот мучаемся* (Ж1 – S78);

- *вы знаете / вовлечённость то н...не особо сейчас сильная / такая / я о... дру...другими вещами сейчас занимаюсь / просто вот так... *В совпало / Шемель%(?) // *П Даревский% и черепахи // @ зато(?) вовлечённость *Н в предмет исследований // *П **понимаете** (S127@Ж4);*

- *он начинает обрушивать ситуацию / в том числе некую (...) заикленность / **понимаете** (S133).*

С помощью подобных прагматем-рефлексивов говорящий некоторым образом вербализует свое отношение к подобранному слову или выражению (*сбой; вовлечённость *Н в предмет исследований; заикленность*), оценивает результат произведенного гезитативного поиска, который, как правило, имеет место в предшествующем контексте (подробнее о рефлекси́вах в русской спонтанной речи см.: [Богданова-Бегларян 2015]).

¹¹ *Уровень речевой компетенции* (УРК) можно определить как степень свободы говорящего в

выборе речевых средств, уровень его владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи. УРК определяется целой совокупностью социальных характеристик человека, среди которых ведущее место занимают уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности. Этот набор признаков, определяющих УРК, был в свое время установлен экспериментальным путем – через экспертную оценку большого массива звучащих текстов и выявление корреляции этих оценок с реальными социальными характеристиками говорящих. Подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013].

Список литературы

- Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика [Сб. ст. Переводы] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
- Бахтин М. М.* Слово в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетика. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2012. С. 71–83.
- Богданова-Бегларян Н. В.* О словаре «неслов»: возможности лексикографического описания вербальных гезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., Сага, 2013. С. 359–364.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014а. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies: науч. реценз. журн. 3 (45). Июль – Август – Сентябрь. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2014б. С. 252–255.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* «Фонетические законы» // *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. II. С. 189–208.
- Бонфанте Дж.* Позиция нелингвистики // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 298–319.
- Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 386–404.
- Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 94–110.
- Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 5–25.
- Звегинцев В. А.* Очерк истории языкознания до XIX в. // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 5–24.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2013. 532 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2014. 396 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2015. 364 с.
- Каспранский Р. Р.* Место нормы реализации в теории речевой коммуникации // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький: Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1989. С. 22–35.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование уст-

ного русского дискурса М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 110–118.

Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 175–191.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. III. С. 366–566.

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / под ред. Р. И. Шор. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Фак-т филологии и искусств С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 66–75.

Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11–20.

References

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation. Matoušek V., Mautner P. (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 5729, 2009. Springer, Berlin-Heidelberg. P. 250–257.

Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma [The Zero Degree of Writing]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. P. 306–349.

Bakhtin M. M. Slovo v romane [The Word in the Novel]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetika* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975. 502 p.

Boduen de Kurtene I. A. “Foneticheskie zakony” [“Phonetic rules”]. Boduen de Kurtene I. A.

Izbrannye trudy po obshchemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. Vol. II. Moscow, 1963. P. 189–208.

Bogdanova N. V. O proekte slovar'a diskursivnykh jedinic russkoj rechi (na korpusnom materiale) [A Dictionary of Discourse Elements of Russian Speech: Project Description (Based on Corpora Material)]. *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2012»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue-2012». Iss. 11/18. Selegej V. P. (ed.)]. Moscow, 2012. P. 71–83.

Bogdanova-Beglarian N. V. O slovare “ne-slov”: vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya verbal'nykh khezitativov russkoj rechi [Dictionary of “Not Words”: the Possibility of Lexicographical Description of Verbal Hesitations of Russian Speech]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikacya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiju so dn'a rozhdenia S. G. Il'enko* [Word. Dictionary. Language Arts: Communication. Text. Syntax (for the 90th Anniversary of S. G. Iliencko)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Chernyak, V. D. (ed.). St. Petersburg, 2013. P. 359–364.

Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatia i obshhaja tipologia [Pragmatems in Spoken Everyday Speech: Definition and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], Iss. 3 (27), 2014a. P. 7–20.

Bogdanova-Beglarian N. V. Diskursivnaya jedinica “tipa (togo chto)”: funkcionirovanie v ustnoj spontannoj rechi i vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya [Discursive Item “Tipa (Togo Chto)”, It's Functions in Speech and Alternatives of Leccicographical Description]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. Iss. 3 (45). July – August – September. Moscow – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2014b. P. 252–255.

Bogdanova-Beglarian N. V. Refleksiv v sisteme diskursivnykh jedinic russkoj ustnoj rechi [Reflex Item in the System of Discursive Units of Russian Speech]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. № 3, 2015. P. 11–17.

Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Shershtinova T. Yu. Zvukovoj korpus russkogo jazyka: novaya metodologiya analiza ustnoj rechi [Speech Corpus of Russian Language: New Methodology of Speech Analysis]. *Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh XXI veka* [Language and Method: Russian Language in Linguistic

Studies of the 21st Century], Iss. 2/Eds. Szumska, D., Ozga, K. Krakow, 2015. P. 357–372.

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. 18th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2016). Budapest, Hungary, August, 23–27, 2016 (In Print).

Bonfante G. Pozicia neolingvistiki [Position of Neolinguistics]. Zvegintsev V. A. *Istoria jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. P. 298–319.

Grishina E. A. Ustnaya rech' v Nacional'nom korpusе russkogo jazyka [Speaking in the Russian National Corpus]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2005. Moscow, 2005. P. 94–110.

Kaspranskij R. R. Mesto normy realizacii v teorii rechevoj kommunikacii [The Place of Implementing Rules in the Theory of Speech Communication]. *Teoria i praktika lingvisticheskogo opisania razgovornoj rechi* [Theory and Practice of Linguistic Description of Colloquial Speech]. Gorky, 1989. P. 22–35.

Kibrik A., Podlesskaya V. (eds.). Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow, 2009. 736 p.

Krysin L. P. Nekotorye principy slovarnogo opisania russkoj razgovornoj rechi (Postanovka zadachi). [Some Principles of Lexicographic Description of Russian Colloquial Speech (Formulation of the Problem)]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in the Scientific Description]. № 2 (16), 2008. P. 110–118.

Lakoff G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*. Iss. 2 (4), 1973. P. 458–508.

Larin B. A. O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the Linguistic Study of a City]. Larin, B. A. *Istoria russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, 1977. P. 175–191.

Martine A. Osnovy obshchej lingvistiki [Fundamentals of General Linguistics]. *Novoe v lingvistike* [The New in Linguistics]. Is. III. Moscow, 1963. P. 366–566.

Podlesskaja V. I. Nechotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Vague Reference in Russian colloquial speech: Experience of Corpora Research] *Kompjuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013». Tom 1.*

Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue–2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12/19. Selegej, V. P. (ed.). Moscow, 2013. P. 631–643.

Romaine S. Corpus Linguistics and Sociolinguistics. *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Vol. 1 / Lüdeling, A. and Kytö, M. (eds.). Berlin-New York, 2008. P. 96–111.

Sossur F. de. *Kurs obshchej lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow, 1933. 272 p.

Shcherba L. V. O sluzhebnoe i samostojatel'nom znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta [Service and Independent Value of Grammar as a School Subject]. Shcherba, L. V. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, 1957. P. 11–20.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpusе russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoi konferencii* [Formal Methods of Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg, 2009. P. 66–75.

Vandries J. Jazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriju [Language. Linguistic Introduction to the History]. Zvegintsev, V. A. *Istoria jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. Pp. 386–404.

Zhirmunsky V. M. Marksizm i social'naya lingvistika [Marxism and Social Linguistics]. *Voprosy social'noj lingvistiki* [Issues of Social Linguistics]. Leningrad, 1969. P. 5–25.

Zvegintsev V. A. Ocherk istorii jazykoznanija do XIX veka [Essay on History of Linguistics before 19th Century] Zvegintsev, V. A. *Istoria jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. P. 5–24.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1. O nerotorykh osobennost'akh ustnoj spontannoj rechi raznogo tipa. Zvukovoj korpus kak

material dl'a преподаvania russkogo jazyka v inostranoj auditorii [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Teaching Russian as a Foreign Language]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2014. 396 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza.

Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novykh leksikograficheskix proektov [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2015. 364 p.

Tompson P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow, 2003. 368 p.

PRAGMATIC ITEMS FUNCTIONS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH OF DIFFERENT SOCIAL GROUPS

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article deals with the description of results of everyday speech analysis (social dialects of a modern city). The object of the investigation is pragmatic items functions in spontaneous speech (communication) and disquisition of their importance as of a social dialect marker. The research has been done on the basis of corpora materials (the Corpus of Spoken Russian Language, module "One Speaker's Day"). There are three data blocks: the whole sub-corpus analysis (12 speakers), the analysis of three age groups, and the analysis of two gender groups.

The results show the considerable difference between age groups and less dramatic one between genders. The youngest speakers demonstrated the most interesting functions of pragmatic items in their speech.

There are some items that are specific for different groups of speakers: *koroche* – for young people of both genders, *v obshchem* – for older women. At the same time neither profession nor job position of a speaker (and so their speech competence) influences the pragmatic items the speaker uses in everyday spontaneous speech.

Key words: spontaneous speech; everyday communication; pragmatic item; speech corpus; sociolect.